

Александр Владимирович ВОРОНИН
 родился 3 апреля 1961 года в г. Гатчине.
 До 1989 года кадровый военный.
 В Карелии живет без малого 20 лет.
 Стихи публиковались в различных журналах,
 альманахах и коллективных сборниках.
 Автор трех книг стихотворений:
 «Метаморфей» (1997), «Круговорот» (2000),
 «Одиночество — удел избранных»
 на финском языке (Хельсинки, 2008).
 Член Карельского союза писателей.
 Редактор интернет-журнала «Север».

**Александр
 ВОРОНИН**
 г. Петрозаводск

* * *

Полная лирики полная грудь.
 Темная голодом томная нежность.
 Я попытался сквозь пальцы взглянуть,
 чтоб не увидеть в тебе неизбежность.
 Только увидел, как алчно взошли
 черные солнца зрачков белладонных,
 протуберанцами сердце зажгли,
 линию жизни сожгли на ладонях.
 Было ли в трепете ветра волос
 Богом напетое стихотворенье,
 если притягивал бездны откос
 страстью прыжка и восторгом паденья?
 Руки раскинулись сами собой,
 словно безумное, сердце стучало.
 Даже казалось, что это любовь
 падала камнем, но дна не встречала.

* * *

Люблю я море в разную погоду.
 И в шторм, когда огромные валы
 безумных волн несут седую воду
 в объятия какой-нибудь скалы.
 И в штиль, с его безмолвием глубоким,
 когда не то что волн, и ряби нет,
 а солнце притворяется жестоким
 и чертит на воде кипящий след.
 Но более всего люблю обычным,
 с едва заметной ласковой волной,
 когда шуршаньем галечным о личном,
 сугубо личном говорит со мной.

«ЖИЗНЬ ЦВЕТЕМ ВЕЗДЕ...»

* * *

О времени скажу, что у него
 ни сердца, ни души — нет ничего,
 что нас с тобой роднит, хоть мы и звери,
 одетые в меха от кутюрье,
 помешанные на своем жилье,
 на сексе, на политике и вере.

Оно возникло в нашем мире в час,
 когда Вселенной подорвал фугас
 какой-то Бог, зашедший за границу
 заоблачного сада и во мгле
 ступивший вдруг не по своей земле, —
 и заимели мы с тобою лица.

Теперь среди звезд, среди смерти и минут
 мы маемся, понять пытаюсь тут,
 что есть пространство, время и свобода.
 Но, тратя жизнь на поиски пути
 к Всевышнему, себя нам не найти, —
 нам не пройти границу небосвода.

Лишь потому, что Бог, ступив не так,
 не собирался подавать нам знак,
 что Он — предел всему, любовь и знание.
 Он просто оступился, и теперь
 нас поедает время, словно зверь, —
 как тьма, как рак, как рок, как наказание.

* * *

Он пришел ко мне, он сказал — смотри
 без бинокля вдаль, без очков в упор,
 он сказал, что вновь врут календари
 и поводыри лживы до сих пор.
 Он сказал, заметь, правды нет нигде,
 правда, истин — тьма, даже там, где свет.
 Путь, сказал, доверь лишь одной звезде,
 но при этом знай — звезд на небе нет.
 Предложил — возьми существо под сень
 своего крыла, а потом убей;
 если сможешь это — впитаешь тень
 и поймешь, что царь ты, а не плебей.
 Он поведал, жизнь — это плод глубин,
 из которых день, из которых ночь.
 Он сказал, что я — здесь как перст один,
 и лишь он мне мог, но не смог помочь.

И смолчал, что тень он свою впитал,
 а разжег огонь — я до дна продрог.
 Понял я тогда, что и он устал,
 не любил, не верил, хоть он и бог.
 Я его простил, я сказал, смотри,
 я не царь, не тварь — я лишь жизнь и сон,
 ну, а звезд — полно, как у нас внутри,
 так и сверху — впившихся в небосклон.
 Я добавил, знаешь, пойми одно,
 если я молчу, то не значит — нем,
 если захочу, я уйду на дно,
 если я всплыву, то войду в эдем.
 Жизнь цветет везде, жизнь поет во всём,
 и не важно, ночь на земле иль день,
 ну, а если плохо тебе — спасём:
 я смогу помочь, я отринул тень.

НАЧАЛО ПОЭМЫ

Не в дорогу, а в путь мне сегодня отправиться нужно.
 Нет, в дорогу. С путями как раз я давно завязал.
 Путь — он требует сердца, дорога весьма простодушна.
 Вот и ладно. Пора на вокзал. Ленинградский вокзал.
 Я кормлю свою сумку скупым холостяцким набором.
 Дневники и блокноты свои ей сую на десерт.
 И влетаюсь в ночной, надоевший до ужаса город,
 наслаждаясь дистанцией с ним — я сейчас интроверт.
 Мне автобус смыкает на шее железные двери.
 Просочившись сквозь щель, лунным светом смещаюсь к окну
 и смотрю на огни, — это будто различные звери,
 сбившись в стаю большую, как дичь, загоняют луну.
 В чемодане автобуса в полночь довольно свободно,
 мысли вяло шуршат, как листы недочитанных книг, —
 я любую из них изучить мог бы очень подробно,
 но сейчас не до них, и я ставлю мозги на ручник.
 Опускаюсь под землю на станции Новослободской,
 прохожу турникет, эскалатор несет меня вниз.
 Снизу женщина едет, с улыбкой смотрю идиотской
 на нее, как на чудо — какой на прощанье сюрприз!
 Так красива она, я, наверно, влюбился в нее бы,
 я бы все ей сказал, я бы все о любви ей сказал,
 но дорога зовет, и отправить по ней меня чтобы,
 ждет меня с нетерпеньем вокзал. Ленинградский вокзал...

* * *

Идут года, держа подобье фронта,
и все сметают на своем пути.
Мои же норовят до горизонта
одним броском стремительным дойти.
Им все равно, что не влачусь я следом,
от солнца спрятав голову под зонт:
за горизонтом мне их путь неведом,
а вдруг там будет новый горизонт?
А может быть, достигнув края дали,
они сигают в параллельный мир?
Коль так, пускай оставят хоть сандалии
с подошвами, протертыми до дыр.
Хоть что-нибудь, чтоб люди не забыли,
что были у меня свои года.
Идут года. За ними столбик пыли,
худой, как у китайца борода.

* * *

Я западаю на любовь опять,
как «ять» на «аз». Или как «аз» на «ять».
И, ясно понимая это, молкну,
поскольку не умею отворять
я люк последний, за которым вспять
не повернуть ни сердцу и ни волку.
С любовью мне давно не по пути,
но без нее ни шага не пройти,
хоть под ногой асфальт прямой дороги.
Быть может, юность бросила меня,
а может, как последняя родня,
исчезли на Земле единороги.
Но вот болит какой-то старый ген,
когда я снова попадаю в плен
любви, внезапно замерцавшей влажно.
Я, как лунатик, к ней иду сквозь тьму
всего лишь, может статься, потому,
что без нее на этом свете страшно.

РУСАЛКА

Не ива нависает над волной,
когда приют в излучине речной
я нахожу для нового ночлега,
а волосы русалки. Ни на миг
она не выйдет, не откроет лик:
она давно боится человека.

Она во всем отлична от меня,
она машин не знает и огня,
не знает телевизора цветного.
Зато подвластна ей душа реки,
за то ее боялись рыбаки.
Теперь не верят даже в водяного.

Но кто-то, испугавшись топляка,
вчера сказал: «Она наверняка
опять опасна!» Это ахиня.
И я не разведу сейчас костра
и буду ждать русалку до утра,
совсем не опасаясь встречи с нею.

* * *

Ты разная, как небо над землей.
То ясная, а то черна в предгрозье.
Ты даже иногда бываешь злой,
зато какую ласковую — после.
То древней тайны на лице печать,
как лунный свет в глазах у пилигрима,
а то ложится легкая печаль,
как тень от облаков, плывущих мимо.
Иной раз из морозной высоты
все до одной выглядят звезды.
Порою разразишься ливнем ты,
раскальвая молниями воздух.
И снова свежим ветерком дыша,
раскинешь предо мной свои просторы,
где радостно парит моя душа,
на время отключив свои моторы.